
«ГРАНИЦА» КАК ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ

МОВСЕС ДЕМИРЧЯН

Каждый культурный акт существенно живёт на границах: в этом его Серьёзность и значительность; отвлечённый от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает.

М. М. Бахтин¹

Феномен границы как особой реальности, в которой соприкасающиеся стороны раскрывают и порождают новые смыслы, ценности и перспективы, в течение последних нескольких десятилетий занимает все большее место в гуманитарных исследованиях. В истории философской мысли обращение к границе имело место всегда, одним из первых свидетельств чего может быть понятие *меры* в древнегреческой философии. Не менее важную роль играет феномен границы также и в разграничении *бытия* и *небытия*, *знания* и *незнания* и т.д. В этих и других примерах, которых можно привести довольно много, граница присутствует пока не как предмет познания или теоретическая проблема, а скорее как нечто априори понятное и само собой разумеющееся. В истории философии наиболее часто вкладываемый смысл в понятие «граница» – *предел*. Именно в виде предела предстает граница и у Парменида, отделяя бытие от небытия, и в агностицизме И. Канта – как грань человеческого познания. И даже древнегреческая *мера* может быть охарактеризована как *предел*: «...мера обозначает границы, в пределах которых целое сохраняет самождественность»². То есть в истории философской мысли граница понималась в основном как *окончание чего-то*, после чего начинается *нечто противоположное*.

В этом аспекте граница пока не является предметом интереса, так как не представляет собой нечто самостоятельно существующее и наделенное собственными закономерностями. Она есть всего лишь грань, разделяющая две противоположности – чувственное и сверхчувственное, нравственное и безнравственное, природное и метафизическое. В этом кроется одна из отличительных черт так называемого традиционного понимания

¹ Бахтин М. М. К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Собр. соч. Т. 1. М.: Русские словари. Языки славянской культуры, 2003, с. 282.

² Колесникова И. В. Проблема границы и пограничные особенности человеческого бытия. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Магнитогорск, 2009, с. 10.

границы: *за границей* предполагалось существование того, что противоположно существующему внутри границы.

Однако на примере соотношения знания и незнания можно показать, что сама граница является особым «местом», своеобразной реальностью, которая имеет собственное содержание (именно такого понимания границы в истории гуманитарной мысли долгое время не было). Если все наше знание представить в виде круга, за пределами которого простирается нескончаемое *незнание*, то все точки этого круга, то есть граница, являются теми самыми *проблемами*, о которых можно сказать следующее: внутри круга «мы знаем, что мы знаем», за его пределами «мы не знаем, чего мы не знаем», а на границе «мы знаем, что мы не знаем». Такое понимание границы делает ее теоретической проблемой, которую уже невозможно не заметить, потому что граница приобретает собственное содержание. Она уже не просто олицетворяет переход из одной противоположности в другую, а становится местом возникновения новых смыслов, перспектив. Собственно говоря, сама граница становится *возникающим*, а не изначально существующим местом, и возникновение ее зависит от того, где и когда в социальном времени и пространстве встретятся два смысла, две эпохи, две культуры.

Новое понимание границы связано с именем М. Бахтина и его концепцией диалога, в рамках которого познание «другого» становится *пониманием*. Если в процессе познания активной стороной выступает субъект, осознанная деятельность которого характеризуется таким свойством, как целенаправленность, то в случае понимания обе стороны активно участвуют в процессе узнавания. Поэтому такое познание есть *творческое* понимание. «В диалоге другой человек не “объект безучастного нейтрального анализа”, а субъект обращения, ожидающий ответного слова, поэтому диалог – это всегда напряжение смыслового взаимодействия и сосуществования. Бахтин, развивая лучшие традиции русской философии, представил духовный мир как *бытие на границе*»³. Ценность этого подхода заключается в том числе в возможности понять логику культуры, для которой диалог становится формой и условием существования. Диалог разворачивается там, где одни культурные смыслы (ценности, эпохи) встречаются с другими. Граница таким образом становится не пределом распространения данной культуры в физическом смысле и не гранью, за которую не распространяются смыслы и ценности данной культуры, а напряженным полем, образуемым между разными культурными моделями, формами мышления и т.д. В этом аспекте граница получает новое содержание – она не только *разъединяет* (показывает разницу, несовместимость), но и *объединяет*, показывая возможность, перспективу коммуникации, еще пока не

³ Куликова Т. В. Философия границы: феноменологический и эпистемологический подходы. Автореф. дис. ... докт. филос. наук. Нижний Новгород, 2011, с. 18.

существующей, но возможной в результате сотворчества нового бытия культуры (культурного события). Таким образом, уже построение теоретической границы между данной (например, современной) и предполагаемой (например, будущей) культурой есть первый шаг к очерчиванию места и времени будущего диалога этих культур.

Здесь следует ответить на закономерно возникающий вопрос о том, почему коммуникация на границах культур приобретает форму именно *диалога* и какое имеет к этому отношение феномен напряженности, встречающийся у двух основных теоретиков концепции диалога – М. Бахтина и Ю. Лотмана? Граница, с одной стороны, может быть понята как *предел* распространения и влияния культурных смыслов и ценностей, с другой стороны – как особая реальность или ситуация, возникающая только при встрече двух культур. В первом случае граница олицетворяет собой предельное, максимальное значение культурных смыслов и ценностей, что означало бы, что каждая культура сама задает свой предел и, по сути, ограничивается не другой культурой, а потенциально содержит в себе свою границу. Во втором случае граница возникает не там, куда максимально простираются смыслы и ценности культуры, а там, где в пространстве и времени происходит встреча двух культур. Можно предположить, что историческая смена эпох происходила по первому сценарию, когда та или иная культурно-историческая реальность исчерпывала свои смыслы и перспективы и, теряя свое жизненное значение, то есть ценность, сменялась следующей эпохой (культурой). Например, Средневековье сменяется Возрождением в том числе и потому, что перестает отвечать на новые запросы личности и общества, основные жизненные ориентиры Средневековья – Бог, вера, предопределенность – больше не образуют необходимых для изменяющейся жизни смыслов, ценностей и перспектив. То есть можно предположить, что граница средневековой культуры проходила там, где заканчивались ее предельные смыслы. Более того, получается, что очерчивания этой границы создавались одновременно с формированием основного содержания данной культуры.

Однако в рамках второго подхода можно предположить, что граница средневековой культуры очерчивается не самой этой культурой, а формируется наступающей эпохой Возрождения. В данном случае логично, что граница средневековой культуры одновременно является и границей культуры Возрождения, так как она образуется на стыке этих культур. В таком случае, если форма общения двух культур не монолог, то есть одна культура не определяет предел другой, а они вместе создают общую границу, значит, формой коммуникации на границе может быть только *диалог*. Именно в диалоге культура полнее раскрывается в глазах другой культуры, что концептуально можно выразить следующей формулой: «Только отвечая на обращенное ко мне ты, я становлюсь я».

Необходимость и целесообразность диалогического познания обосновываются также и односторонним характером *самопознания* культуры. «Великое дело для понимания – это вненаходимость понимающего – во времени, в пространстве, в культуре – по отношению к тому, что он хочет творчески понять»⁴. Только в вопрошении чужих культур благодаря их вненаходимости и тому, что они другие (не совпадающие по смыслу⁵), заново рождаются и актуализируются смысловые пласты культур и целых эпох. «Чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже (но не во всей полноте, потому что придут другие культуры, которые увидят и поймут больше). Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур»⁶. То есть «античность сама не знала той античности, которую мы теперь знаем»⁷.

В свою очередь, *напряженность* культуры на границе обусловлена, во-первых, защитными функциями культуры, которые активируются именно в *инокультурном* окружении. Примером может служить армянская культура в диаспоре; в ней наиболее активны *этнозащитные* механизмы – традиции, обычаи, историческая память. Во-вторых, напряжение культуры на границе обусловлено тем, что она вынуждена активно участвовать в коммуникации, чтобы обосновать свое историческое и нравственное право быть. «В диалоге другой человек (носитель культуры – М. Д.) – не «объект безучастного нейтрального анализа», а субъект обращения, ожидающий ответного слова, поэтому диалог – это всегда напряжение смыслового взаимодействия и сосуществования»⁸. В-третьих, именно в диалоге культура раскрывает свои потенциальные, до сих пор не актуализированные смыслы, ценности и перспективы, что делает возможным так называемый переход культурных феноменов через границу и взаимное обогащение культур. И в-четвертых, именно на границе, в диалоге культура обретает свою индивидуальность, типичным примером чего может служить особенность армянской культуры, замеченная многими исследователями, в том числе В. Брюсовым. «Две силы, два противоположных начала, скрещаясь, переплетаясь и сливаясь в нечто новое, единое, направляли жизнь Армении и создавали характер её народа на протяжении тысячелетий: начало Запада и начало Востока, дух Европы и дух Азии. Поставлен-

⁴ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1986, с. 353.

⁵ Ср.: «Исходная позиция равенства (культур – М.Д.): не в том смысле, что все похоже и одинаковы, но что равноценны именно своей непохожестью и друг для друга, и как инструменты мирового оркестра Культуры – каждый незаменим в своей роли и качестве». Гачев Г. Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988, с. 7.

⁶ Бахтин М. М. Указ. соч., с. 354.

⁷ Там же.

⁸ Куликова Т. В. Философия «границы» в контексте гуманитарного познания // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2012, № 1 (3), с. 53.

ная на *рубеже* (курсив мой – М. Д.) двух миров, постоянно являвшаяся ареной для столкновения народов, вовлекаемая ходом событий в величайшие исторические перевороты, Армения самой судьбой была предназначена служить примирительницей двух различных культур... “Армения – авангард Европы и Азии”, эта, давно предложенная формула правильно определяет положение армянского народа в нашем мире. Историческая миссия армянского народа, подсказанная всем ходом его развития, – искать и обрести синтез Востока и Запада»⁹. Логически продолжает эту мысль утверждение, что в диалоге с Востоком и Западом армянская культура обретает также и свою индивидуальность, неповторимость. Своеобразным обоснованием того, что напряженная коммуникация на границе является условием возникновения новых смыслов и перспектив, служит и современная ситуация в науке, когда на стыке двух и более наук возникают новые дисциплины и делаются новые открытия.

Важно отметить, что осмысление границы в гуманитарных исследованиях эволюционировало от «представлений о территориально расположенных физических границах к семантически построенным, ритуализированным и символическим границам, а от них – к дискурсивным (текстовым) конструкциям»¹⁰. Очевидно, что после осмысления границ как физических явлений, выполняющих функции предела (например, граница государства) и фильтра (например, контроль), их исследование переходит в область культуры, где к функциям предела и фильтра прибавляются такие характеристики, как знак, ритуал и символ. Следовательно, гуманитарное осмысление границы культуры на этом этапе неизбежно имеет дело с семантическими, ритуализированными и символическими границами.

Культуру также можно интерпретировать как *семиосферу* – место и результат знакового-языкового общения¹¹. «Любой природный объект может занять место в картине мира, существующей в сознании человека, лишь получив имя»¹². Граница в этом случае является местом, где протекает *семиозис* – процесс интерпретации знака или порождения значения. Любой культурный факт интерпретируется по-новому, когда пересекает внутренние или внешние границы¹³. Этот процесс может быть представ-

⁹ Брюсов В. Поэзия Армении и её единство на протяжении веков // Брюсов и Армения. В двух томах. Том I, Ереван, 1988, с. 68.

¹⁰ Kurki, Tuulikki. Borders from the Cultural Point of View // Culture Unbound, Vol. 6, 2014, p. 1055 <http://www.cultureunbound.ep.liu.se> (fnlunp 03.03.2020)

¹¹ Об этом подробнее см. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история.

М.: Языки русской культуры, 1996.

¹² Гриненко Г. В. Семиосфера и семиотика культуры // Культура и образование, 2013. № 1 (10). с. 34.

¹³ Ю. Лотман выделяет два типа границ: внутренние – между языками и семиотическими субкультурами и внешние – между семиосферой и внесемиотической реальностью (природой). Об этом подробнее см. Демин И. Понятие границы в семиотике культуры Ю. М. Лотмана // Ярославский педагогический вестник, 2013, № 3, с. 245.

лен как перевод с одного языка (культурного кода) на другой, что является условием коммуникации в культуре. Одна из особенностей семиосферы заключается в том, что наибольшей активности она достигает именно на границе – в периферийных и приграничных областях культуры. Это обусловлено свойствами границ культуры, о которых говорилось выше – функцией «охранника», в рамках которой культура ограничивает проникновение нового, чужого, сохраняя тем самым неизменной свою идентичность, и функцией фильтра (контроля) – пропуская одну информацию и пресекая проникновение другой. Именно поэтому граница культуры есть место или ситуация большого напряжения.

Культура всегда *символична*, на что прямо указывает Н. Бердяев: «В культуре не реалистически, а символически выражена духовная жизнь. Все достижения культуры по природе своей символичны. В ней даны не последние достижения бытия, а лишь символические его знаки»¹⁴. Следовательно, в культуре мы сталкиваемся, например, не с истинными и ложными явлениями, а символическими выражениями разных «реальностей» – религиозной, этнической, традиционной и т.д. Символы сами по себе не бывают также и добрыми или злыми, прекрасными или безобразными: как природа выражается в виде стихийных явлений (которые невозможно охарактеризовать как истинные и ложные, добрые или злые и т.д.), так и символы являются своеобразной *стихией* культуры.

Одновременно, нельзя отождествлять символы и культуру. Символы сами по себе лишь внешняя сторона культуры, которая наполняется содержанием (смыслом) только благодаря творческой активности человека. Культурное действие или событие символично в том плане, что выражается с помощью символов – мифологических, религиозных, художественных, норм поведения и т.д. Образно говоря, символ является реальностью культуры и не просто олицетворяет предмет или факт, а свидетельствует о наличии в нем явного или скрытого содержания. Следовательно, границы культуры тоже символичны и в таком виде существуют лишь в сознании человека как предел применения данного символа или ограничение смысла символа какой-то областью.

С символичностью культуры напрямую связана еще одна ее характеристика. Так как символы в культурной коммуникации передают значения символических действий, последние можно охарактеризовать как *ритуал*. Ритуал, по сути, есть «символ в действии»¹⁵. Ритуал отличается от других видов действий тем, что не преследует прагматических целей. Это связано с тем, что особая реальность, выражающаяся каждый раз в ритуале, считается более подлинной, настоящей, чем объективная, физическая реаль-

¹⁴ Бердяев Н. Философия неравенства. М., 2018, с. 346.

¹⁵ Привалова В. М. Знаково-символический контекст культуры // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2016. Том 18, № 1(2), с. 247.

ность, а воспроизведение этой реальности в ритуале имеет большую ценность, чем сиюминутные утилитарные выгоды. Таким образом, с ритуалом связана очень важная особенность культурной границы: так как межкультурная коммуникация осуществляется в основном посредством передачи символов, а действие последних обеспечивается ритуалом, то переход на границе из сферы одной культуры в другую тоже ритуализирован. То есть ритуал, как и культура вообще, существует по преимуществу на границе; это *механизм*, благодаря которому символы (как носители культурных смыслов и ценностей) и даже человек (как носитель определенной культуры) *преодолевают границу*. Иллюстрирует это, например, ритуал, предписывающий креститься при входе в церковь и при выходе. В данном случае мы имеем дело с переходом границы из светского мира в «дом Бога», и для этого существует особый ритуал. Антропология дает множество примеров ритуалов совершеннолетия (переход возрастной границы, означающий, что мальчик отныне считается мужчиной – может создать семью, идти с взрослыми на охоту, а девушка вправе выйти замуж и т.д.). Неудивительно, что часто ритуал связан с определенными трудностями, есть возможность не перейти границу, чем подтверждается, что на границе актуализируются защитные механизмы культуры, а соблюдение ритуала становится своеобразным пропуском в другой духовный мир, область других смыслов и ценностей.

Ритуал является своего рода *театрализованным* действием, представлением, разыгрываемым на границе культур. Чтобы обеспечить культурному феномену переход через границу, ритуал должен соответствовать общепринятым канонам, соблюдение которых в сознании людей делает его возможным и легитимным. Если культура олицетворяет собой попытку человека из хаоса окружающей природы создать свой собственный мир упорядоченных и понятных явлений, то чем сложнее ее структура, тем больше смысловой нагрузки несут ее символы и тем большее значение имеет ритуал. И чем сложнее структура культуры, тем больше в ней внутрисистемных границ, следовательно, больше духовного напряжения. В условиях множественности границ и их пересечений возникает необходимость осмысления социально-культурных явлений в разных сферах (образования, религии или политики). «Пересеченность семиотического пространства многочисленными границами создает для каждого движущегося в нем сообщения ситуацию многократных переводов и трансформаций, сопровождающихся генерированием новой информации»¹⁶. Осмысление культурных феноменов в разных областях жизни неизбежно подразумевает их трактовку, следовательно, культура и граница являются также *текстом*.

Культура в этом своем выражении есть социальная и лингвистическая

¹⁶ Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000, с. 265.

реальность, которая может изучаться как текст. Тексты культуры – это, по сути, все явления, так или иначе присутствующие в социальной реальности, начиная с поведения человека в быту и заканчивая такими обобщениями культурных эпох, как сложноорганизованные художественные и философские произведения. Текстом является не только сама культура, но и *отношение* к ней. Каждая эпоха, каждый народ и каждое поколение создают культурные тексты, которые отличаются глубиной отражения реальности, широтой охвата явлений, личностными и общественными приоритетами и т.д.

Войти в текст культуры означает истолковать ее символы, нормы поведения, принятую иерархию приоритетов. Так как любая культура имеет двоякую структуру, в которой выделяются стабильное ядро и противостоящая ему периферия¹⁷, то и тексты соответственно можно разделить на два вида: для внутреннего и внешнего пользования¹⁸. И действительно, нетрудно заметить, что, например, произведения искусства имеют двоякое содержание и назначение – внутреннее (национальное) и внешнее (общечеловеческое). То же самое можно сказать об одном из важнейших культурных феноменов – *идентичности*. Существует «вертикальная» идентичность, сугубо национальная, глубоко историческая, иррациональная, и «горизонтальная» – современная, цивилизационная, соответствующая требованиям времени¹⁹. В первом случае тексты культуры представляют нас только нам (внутри культуры), во втором случае – всем другим (за пределами нашей культуры). Очевидно, что наибольшей свободой и мобильностью обладают тексты на периферии, на границе, в отношениях с другими культурами. Это означает, что любая культура в глазах другой культуры может меняться, принимать соответствующие требованиям места и времени формы (например, *казаться* демократичной), а для себя, внутри системы социальных отношений, оставаться неизменной (воспроизводить традиционные формы отношений личности и власти).

Граница подвижна и активна потому, что является местом встречи и диалога разных культурных текстов. Именно здесь возникает необходимость не просто быть, но быть *понятым*. Именно поэтому «чужая культура только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже»²⁰. «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа, на эти наши вопросы; и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые

¹⁷ См. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. с. 13.

¹⁸ Об этом подробнее см. Էդվարդ Հարությունյան, Ազգային ինքնություն. «Մերունդների աշխարհ» և «Ժամանակակիցների աշխարհ» // «Բանբեր Երևանի համալսարանի. Փիլիսոփայություն, Հոգեբանություն», 2019 № 2 (29). с. 13.

¹⁹ См. там же.

²⁰ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества, с. 354.

глубины»²¹.

Возможно, в понимании культуры как текста кроется одна из существенных особенностей границы, которая в данном случае выступает не только как застава и фильтр, защищая культуру, а как нечто, что должно быть преодолено. Тексты культуры одновременно являются *горизонтами* – толкования мира, самовыражения и самоидентификации, то есть показывают мир данности, в то время как за границами находится мир возможностей. И переход такой границы есть одновременно *преодоление* смысловой и ценностной нагрузки, которую несут феномены данной культуры.

Так как переход границы подразумевает новое толкование и смыслообразование, не исключено, что язык интерпретации культурных феноменов на границе испытывает определенные трудности. Возможно, с этим связано замечание представителя символической антропологии В. Тернера о том, что именно на границах возникают поэзия, мифы и искусство. «Можно утверждать, что границы и их пересечения включают в себя такое понимание, опыт и эмоции, которые способствуют построению пограничных идентичностей, которые не могут быть выражены в повседневном языке, а скорее через художественные жанры»²². Действительно, если наука или философия как рационально-теоретические модели познания мира имеют более или менее строгий понятийно-категориальный аппарат, который можно с известной долей успеха перевести на другие языки (языки другой культуры), то более свободные в творческом плане явления, как литература и миф, имеют дело с *разными* образами, персонажами (например, полубоги или герои) и идентичностями, которые формируются и существуют главным образом на границах разных культурных миров – прошлого и настоящего, современного и будущего, своего и чужого и т.д. Возможно, именно с этим феноменом связано то, что в лучших произведениях мировой литературы описывается не повседневный человек в обыденной жизни, а именно человек *на границе* – психики, социальных норм, культуры, эпохи и т.д. Человек на границе отличается напряженной внутренней работой, его поведение – повышенной индивидуальностью, непредсказуемостью и свободой.

Можно предположить, что человек формируется (окультуривается) в основном на границах и на переходах этих границ – возрастных, психологических, социальных. Следовательно, граница приобретает особое значение для понимания идентичности человека как феномена, который возникает на границе природного и социального, индивидуального и коллективного, сознания и подсознания и т.д. Идентичность как сумма самоидентификаций человека подразумевает установление границ между сво-

²¹ Бахтин М. М. Там же, с. 335.

²² Kurki, Tuulikki, Borders from the Cultural Point, с. 1064.

им и чужим, прошлым и настоящим, тем, чем человек не является, и тем, чем он может быть. То, что идентичность, как и культура вообще, тоже существует преимущественно на границах, подтверждается тем обстоятельством, что современный кризис идентичности во многом, если не в основном, связан с размыванием *культурных границ* в процессах глобализации. И существование национальной (локальной) культуры в формирующемся глобальном социокультурном пространстве проблематично именно с точки зрения неопределенности *границ*, что является результатом отсутствия диалога между этими культурами. На примере глобализации отчетливо видно, к чему приводит отсутствие диалога при неизбежной коммуникации локальных (этнических, национальных) и глобальных (наднациональных) культур. Когда границы первых не выдерживают напора глобализации и социальное пространство локальной культуры оказывается под влиянием смыслов и ценностей другой (для локальной – чужой, несущей хаос) культурной модели, активизируются самые глубокие, иррациональные явления локальной культуры, которые формируют ее ядро – мифология, архетипы, фольклор, нормы поведения и т.д. Этот процесс активизации культурных феноменов, который в специализированной литературе называется также возрождением национальных культур, имеет целью восстановление границ культуры, что является первичным и необходимым условием для формирования (восстановления) национальной идентичности.

Эти границы, с одной стороны, существуют в сознании человека как *представления* о границах, с другой стороны, они заданы в каждодневной социальной практике, поскольку любая культура социальна. Не имея собственного пространства, национальная культура задает границы некоего социального пространства, в котором могут быть реализованы ее смыслы и ценности. Внутри этих границ формируются другие культуры – политические, этнические и т.д., которые также формируют свои семантические и символические границы с национальной культурой. Этим объясняется известная закономерность – одно и то же явление в разных культурах приобретает разные формы, например, демократия и права человека в постсоветских странах понимаются и практикуются не так, как в европейских. Причина этого – в диалоге, происходящем на границе политической культуры данного общества и большой национальной культуры. Именно последняя содержит и задает основные ориентиры формирования идентичности, самосознания, нравственности и моделей поведения.

Иначе говоря, не культура формирует свою границу, а наоборот – граница определяет то социальное пространство, в котором разворачиваются культурные смыслы и ценности. Но так как граница всегда подразумевает утверждение разницы, определение отличия, то есть *отрицание*, можно утверждать, что всякая культура начинается с отрицания того, что

лежит за ее пределами и чем она не является. Возможно, что отрицание (нежелание) естественной смерти сформировало представления о бессмертии в мифологии и религии, отрицание инстинктов как естественных основ поведения привело к формированию искусственных регуляторов жизни – нравственных и юридических норм.

Духовная жизнь человека, таким образом, разворачивается преимущественно на границах. Они имеют онтологическое значение в том плане, что определяют, например, соотношения индивидуального и общественного в бытии человека. В гносеологии граница выступает как предел познания и сферы применения нашего знания. Феномен границы в социальной философии имеет отношение к широкому кругу вопросов, начиная с самоопределения человека и заканчивая теориями о соотношении ценностей науки, морали, религии, искусства...

Такое же фундаментальное значение имеет феномен границы для частных наук. Например, в юриспруденции граница проявляется в вопросе предела личной свободы и прав, в политологии – во всей системе отношений гражданина, общества, государства и власти, в психологии – в проблеме идентичности, определении личного пространства, в культурологии – в определении места личности и общества в формировании культуры, в вопросе разграничения культурных и цивилизационных феноменов и т.д. Можно с уверенностью сказать, что почти все проблемы и вопросы, исследуемые в общественных и гуманитарных науках, так или иначе связаны с феноменом границы. Последний в современном мире приобретает все большее значение, так как от изучения и понимания данного явления во многом зависит выбор методологии исследования гуманитарных проблем и поиск конструктивных способов их решений. Так как граница является особым пространством, где разворачивается диалог, то, например, современный кризис в образовании невозможно разрешить эффективным путем, учитывая только одну сторону процесса – обучающихся как потребителей или государство как заказчика. Нетрудно заметить, что в применяемых сегодня методах, направленных на повышение эффективности образования, большую часть занимают методы *передачи* знания, а не *получения*. Это результат отсутствия диалога между двумя участниками процесса образования – учащимися и учителями (преподавателями и шире – образовательными учреждениями), что, в свою очередь, есть прямое следствие непонимания феномена границы или недостаточного к нему внимания.

Ключевые слова: граница, предел, диалог, противоположность, культура, ритуал, символ, текст, коммуникация, идентичность.

ՄՈՎՍԵՍ ԴԵՄԻՂՃՅԱՆ – «Մահմանը» որպես փիլիսոփայական կատեգորիա – Հոգիվածուի հիմնավորվում է, որ փիլիսոփայության պատմության ըն-

թացքում բավականին երկար ժամանակ սահմանը չէր դիտարկվում որպես առանձին և յուրահատուկ «տարածություն», այլ ընկալվում էր իբրև բաժանման գիծ, որից այն կողմ երևույթը վերածվում է իր հակադրության (օր.՝ կեցություն և չկեցություն, գիտելիք և չիմացություն): Սահմանի նոր ըմբռնումը կապված է Մ. Բախտինի անվան հետ, որը ցույց տվեց, որ մշակույթում նոր իմաստների և արժեքների առաջացումը պայմանավորված է ոչ միայն տվյալ մշակույթի էվոլյուցիոն զարգացմամբ, այլև ուրիշ մշակույթների հետ երկխոսությամբ, որը տեղի է ունենում **սահմանին՝** տարածության և ժամանակի մեջ առաջացող այն իրավիճակում, որտեղ հանդիպում են երկու և ավելի մշակույթներ: Սահմանը փիլիսոփայական-մշակութաբանական ուսումնասիրություններում ստացավ **իմաստաստեղծ** երևույթի կարգավիճակ, քանի որ հիմնավորվեց, որ սահմանի երկու կողմերում գտնվող սուբյեկտները (մշակույթներ, հասարակություններ, դարաշրջաններ, կոնկրետ մարդիկ և այլն) **երկխոսության** միջոցով բացահայտում են մինչ այդ անհայտ, թաքնված իմաստներ, արժեքներ և հեռանկարներ: Դա պայմանավորված է այն բանով, որ սահմանային իրավիճակում տեղի ունեցող երկխոսությունն իրականանում է «Ուրիշի» հարցերին պատասխանելու միջոցով: Այդ գործընթացը կարելի է ներկայացնել հետևյալ բանաձևով. «Միայն պատասխանելով ինձ ուղղված «դու»-ին՝ «ես» դառնում եմ «ես»»: Ակնհայտ է, որ սա ուղղակի կապ ունի սոցիալական փիլիսոփայության կենտրոնական հիմնահարցերից մեկի՝ **ինքնության** հետ և ենթադրում է դրա նոր մեկնաբանություն:

Սահմանը հասարակագիտական և հումանիտար հետազոտություններում անցել է իմաստավորման մի քանի փուլ, դիտարկվել **ֆիզիկական** սահման, այնուհետև՝ **խորհրդանշական** և **ճիսական** երևույթ, ապա՝ **տեքստ**: Հնդկաձևում ցույց է տրված, որ սահմանը բոլոր «կարգավիճակներում» կատարում է **սահմանապահի** և **գտիչի** գործառույթներ՝ պահպանելով մշակույթի **անհատականությունը** և ապահովելով **ինքնության** վերարտադրությունը: Դա առավել ակնհայտ դրսևորվում է ժամանակակից գլոբալացման գործընթացների ազդեցության տակ հայտնված ազգային մշակույթների **վերածննդի** տեսքով, որը ոչ այլ ինչ է, քան վտանգված մշակութային սահմանների վերականգնման կամ ամրապնդման գործընթաց:

Բանալի բառեր – *սահման, չափ, երկխոսություն, հակադրություն, մշակույթ, ծես, խորհրդանիշ, տեքստ, հաղորդակցություն, ինքնություն*

MOVSES DEMIRTSHYAN – “Border” as a Philosophical Category. – The article is devoted to the study of the meaning of the concept “border” in the social and humanitarian studies. It is difficult to imagine a complete modern study of any field or area of social life that is not related to the phenomenon of border, its features, and significance in one way or another.

The article argues, that for a long time in the history of philosophy the border has not been considered as a separate and unique “space”, but as a dividing line, beyond which a phenomenon turns into its opposition (existence and non-existence, knowledge and ignorance, etc.). M. Bakhtin’s new understanding of the border showed, that the emergence of new meanings and values in culture is connected not only with the evolutionary development of the culture but also with the dialogue with other cultures, which takes place at a time when two or more cultures meet at the border. The border in phi-

losophical-cultural studies has gained the status of a meaningful fact, as it has been substantiated that subjects on both sides of the border (cultures, societies, epochs, specific people, etc.) discover previously unknown, hidden meanings, values, and perspectives through dialogue. This is due to the fact that the dialogue in the border situation is carried out by answering “Other’s” questions. This process can be presented in the following formula: “Only by answering the “you” addressed to me, I become “I”. It is obvious that this is directly related to one of the central issues of social philosophy, which is identity and implies a new interpretation of it.

The border in the social and humanitarian research has gone through several stages of understanding, considered as a physical border, and then as a symbolic and ritual phenomenon, and then as a text. The article shows that the border performs the functions of a “border guard” and “filter” in all forms, preserving the individuality of the culture and ensuring the reproduction of identity. It is most evident in the revival of national cultures under the influence of modern globalization, which is exactly a process of restoring or strengthening endangered cultural boundaries.

Key words – *border, measure, dialogue, opposition, culture, ritual, symbol, text, communication, identity*

Ներկայացվել է՝ 10.01.2020

Գրախոսվել է՝ 10.02.2020

Ընդունվել է տպագրության՝ 25.07.2020